

Е. Ю. Зубкова

**От «общества выживания»
к «обществу потребления»:
трансформация условий и практик
потребления в СССР (1940–1960-е годы)**

«Вы — не советские люди, советские люди много не едят», — упрекнул молодых рабочих местный начальник в ответ на просьбу обеспечить их талонами на питание, явно намекая на «завышенные» потребности своих полугодных подчиненных¹. Осень 1945 г., совсем недавно закончилась война. Спустя четверть века другой «начальник», рангом повыше, наблюдая жизнь сограждан, рассуждал на ту же тему: «Потребительские тенденции развиваются быстрее космоса»². Причину своей обеспокоенности Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев объяснял так: «Надо серьезно удовлетворять потребности народа, я задаю себе вопрос: где грань этим потребностям?» И получил ответную реплику: «Ее нет»³.

Эти высказывания фиксируют важные изменения качества жизни советских людей, происшедшие за два послевоенных десятилетия. Их вектор условно можно обозначить как движение от «общества выживания» к «обществу потребления». Насколько этот процесс находился в русле мировых трендов и в чем заключалась советская специфика? Применимо ли вообще к советским социальным реалиям понятие «общество потребления»? Существовало ли оно как явление, о котором писал его главный теоретик и критик Ж. Бодрийяр, называя потребительские практики западного общества рубежа 1960–1970-х гг. «глубокой мутацией в экологии человеческого рода»?⁴

Дискурс «общества потребления» тесно переплетается с другим — дискурсом «государства благосостояния» (welfare state), отличительным признаком которого является высокий уровень социальных гарантий, в том числе в сфере потребления. И здесь снова возникает вопрос о корректности сравнения советского опыта с мировым, как и о пределах вариативности обоих понятий. Мнения экспертов (не говоря уже о медиапространстве в целом) представляют собой довольно широкий спектр суждений. В центре дискуссий находится не столько сам факт существования в СССР советского/российского варианта «общества потребления», сколько время его возникновения и качественные характеристики. А. Берелович полагает, что уже в 1970-х гг. советское общество «полностью решает проблему физиологического выживания и превращается если не в общество потребления, то, во всяком случае, в такое общество, которое стремится потреблять»⁵. Н. Чернышева утверждает, что в 1970-х гг. в СССР произошла «потребительская революция», и фиксирует появление в советском обществе «настоящих потребителей»⁶. Эту точку зрения разделяет А. С. Иванова, представившая детальный анализ потребительских практик позднесоветского периода на примере функционирования системы магазинов «Березка»⁷. Иногда момент зарождения «общества потребления» переносится в постсоветский период истории России, хотя в качестве главного критерия его идентификации, своего рода «опознавательного знака» выступает аналогичный принцип: «потребление перестает быть способом борьбы за физическое выживание и превращается в инструмент конструирования социальной идентичности, социокультурной интеграции в общество»⁸.

О. Гурова полагает, что потребительские практики советских граждан в 1960-е гг. приближаются к модели «общества потребления» Ж. Бодрийера: потребление становится «процессом выбора, накопления и обновления бытовых вещей, при этом вещи не только имеют практическое применение, но и играют роль символов успеха и престижа»⁹. Г. М. Иванова приходит к выводу, что в начале 1970-х гг. СССР в сфере потребления находился на пороге «государства благосостояния»¹⁰. На основе сопоставления моделей социального государства в странах Западной и Восточной Европы У. Гёттинг предлагает дополнить известную типологию Г. Эспинг-Андерсена, включающую консервативный, либеральный, социал-демократический типы «государства благосостояния»¹¹, еще одним — «социалистическим», государственно-патерналистским, к которому относился и Советский Союз¹². Точкой отсчета формирования этого специфического типа социального государства, по мнению Гёттинг, можно считать середину 1960-х гг.¹³

1950–1960-е гг. войдут в историю как «золотая эпоха»: через несколько лет после окончания войны в США и Западной Европе начнется экономический подъем, обеспечивающий существенное повышение жизненного уровня населения. На этом фоне советские достижения будут выглядеть более чем скромными, а вместо «золотой эпохи» получится не более чем «оттепель». Реальное

улучшение качества жизни в Советском Союзе начнется с опозданием почти на 10 лет. И так называемые «реформы Хрущева», и «стабилизация» при Брежневеве — были отложенным ответом на послевоенные вызовы и надежды. Советский Союз пережил самый «длинный» послевоенный период. В его истории 1953 г. выступает в качестве рубежной вехи, но с позиции вызовов и ответов грань между ним и 1945-м проницаема, если обратиться к анализу социальных процессов.

Несмотря на отсутствие экспертного консенсуса относительно критериев идентификации «общества потребления», можно выделить три важных признака перехода потребительских практик в качественно новое состояние: потребление уже не концентрируется на решении задач «первой необходимости», обеспечивающих физическое выживание; в результате расширения потребительских ресурсов и роста доходов населения потребление функционально становится моментом выбора; меняется инструментальная функция самих предметов потребления — вещей, которые все больше обретают символическое значение, становятся знаками самоидентификации, престижа, социализации.

Если в 1945 г. подобные потребительские практики и существовали, то только в образе будущего. Представления о жизни после войны сформировались еще в военные годы и выражались в простом желании жить как до войны. Казалось, что такая жизнь наступит на следующий день после Победы. О настроениях нетерпения, стремлении увидеть и почувствовать перемены к лучшему сообщали информационные сводки лета и осени 1945 г.: «Почему не видно улучшения бытового положения в связи с окончанием войны?» (Свердловск); «Война кончилась, а питание не улучшается, как кормили водой, так и кормят» (Магнитогорск); «Снабжение в столовой стало в десять раз хуже, чем в период войны» (Миасс)¹⁴. Обращает на себя внимание непритязательность людей. В качестве наиболее острых, по субъективному ощущению современников, проблем послевоенной повседневности выступали продовольственный кризис, черный рынок, отсутствие жилья. Обыденные житейские вопросы — «где жить?», «что есть?» и «что надеть?» — для большинства сограждан исключали какую-либо вариативность ответов и означали не «что», а «что-нибудь».

Переход от войны к миру неизбежно связан со снижением жизненного уровня населения. Это обусловлено разрушительными последствиями войны и конверсией военной экономики. Перевод оборонных предприятий на выпуск гражданской продукции сопровождался снижением заработной платы¹⁵. Падение покупательной способности населения на фоне общего сокращения ресурсов потребления ставили людей на грань физического выживания. Продовольственный кризис и голод 1946–1947 гг. усугубили эту ситуацию. Ее острота ощущалась по-разному людьми с низкими и относительно высокими доходами, сельскими и городскими жителями, в столице и на периферии. Потребительские стратегии населения часто выстраивались по типичному сценарию, в котором «достать» было важнее, чем «купить». Одно из редких документальных

свидетельств — дневник рабочего А. Дмитриева из города Молотова, который посвятил не одну страницу описанию технологий своей потребительской изобретательности, особенно востребованной в голодные 1946–1947 гг.¹⁶ Навыки потребления в условиях тотального дефицита на протяжении десятилетий сохраняли свою актуальность, превращаясь со временем в имманентное качество человека советского. Как заметил О.Л. Лейбович, человек советский способен «до упора» использовать имеющиеся ресурсы, находить укромные места, куда не дотянутся контролирующие органы, завязывать и вовремя развязывать так необходимые для решения житейских задач социальные связи»¹⁷.

Житейской изобретательности было мало, чтобы решить задачу выживания. Требовались адекватные действия властей, хотя бы отчасти отвечающие ожиданиям населения. И такого рода заявления действительно прозвучали. 9 февраля 1946 г. И.В. Сталин, выступая перед избирателями, пообещал, что скоро отменят карточную систему, что советская промышленность даст народу одежду и обувь, на прилавках магазинов появятся продукты и другие товары¹⁸. Эти заявления фактически получили статус закона — в развернутом виде они были включены в пятилетний план 1946–1950 гг. В числе основных задач пятилетки намечалось «добиться подъема сельского хозяйства и промышленности, производящей средства потребления для обеспечения материального благополучия народов Советского Союза и создания в стране обилия основных предметов потребления» (выделено в документе. — *Е. З.*)¹⁹. В плане решение этой задачи получало дальнейшую детализацию. В качестве первого ощутимого шага перехода от войны к миру планировалась отмена карточной системы осенью 1946 г.²⁰

Свою задачу выполняли пропагандисты — они доводили оптимистичные цифры и планы до сведения населения. Наиболее внимательные граждане не могли не заметить, что в том же выступлении перед избирателями Сталин говорил и о другом. Он жестко обозначил приоритеты экономического развития — сталь, чугун, уголь, нефть. Разоренная войной страна решать одновременно две эти задачи — поднимать жизненный уровень населения и наращивать добычу сырья, развивать промышленную базу — была не в состоянии.

Единственным реальным — «монетарным» — ответом на заявления и обещания 1946 г. в сфере массового потребления стали послевоенные снижения цен. Первое было проведено в феврале 1946 г. через две недели после выступления Сталина перед избирателями²¹. Оно «наглядно» продемонстрировало, что слова вождя не расходятся с делом: именно такой отклик эта акция вызвала у соотечественников²². Столь же популярными в народе были последующие снижения цен, которые с декабря 1947 г. стали ежегодными (последнее — в апреле 1954 г.). За кулисами остался тот факт, что, несмотря на многократные снижения, послевоенные цены так и не опустились до уровня довоенных и в апреле 1953 г. были на 33,5% выше, чем в 1940 г., и на 59% выше, чем в 1937 г.²³

Невыполнение большей части социальных обязательств надо было объяснить. И тогда апеллировали к трагическому опыту войны. Ссылка на необходи-

мость ликвидации последствий прошедшей войны и подготовки к отражению угрозы войны будущей стала главным аргументом в обосновании неизбежности отложенных социальных ожиданий. Внешняя угроза была ключевой частью мобилизационной программы и одновременно инструментом для блокирования общественного недовольства. Устойчивость позиции советского руководства на этот счет много лет спустя объяснил В. М. Молотов: «Пока империализм существует, народу очень трудно улучшать жизнь»²⁴. От советских людей требовалось понимание и терпение. По мнению М. А. Клиновой, сохранение в официальном дискурсе послевоенного времени категории «жертва» объяснялось критичностью экономической ситуации²⁵.

Помимо внедрения в общественное сознание идеи неизбежности послевоенных жертв и «временных трудностей», власть должна была позаботиться и о том, чтобы зарядить людей позитивными эмоциями. С этой целью конструировался образ «светлого будущего», воплощенный в программе построения коммунизма. Работа над ней возобновилась летом 1947 г. В подготовленном проекте программы было записано: «Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков) ставит своей целью в течение ближайших 20–30 лет построить в СССР коммунистическое общество»²⁶. Сроки были определены вполне конкретные — не слишком короткие, чтобы не активизировать текущие ожидания, но в то же время рассчитанные на то, что «светлое будущее» увидят представители живущих поколений. С экономическими и политическими реалиями эта идеологическая конструкция имела мало общего.

Среди разработчиков проекта программы больше всего споров вызвал вопрос о коммунистическом принципе распределения «по потребностям». Заглядывая за горизонт будущего, авторы документа мыслили теми же приземленными категориями, что и их простые соотечественники. Выстраивая иерархию разнообразных потребностей, выбирая между «хлебом насущным» и «культурой», они отдавали безусловный приоритет хлебу. «Мы считали, — говорил на обсуждении вариантов программы К. В. Островитянов, — что в первую очередь по потребностям должны распределяться предметы первой необходимости. Таким предметом в первую очередь является хлеб»²⁷. Такой же точки зрения придерживались председатель комиссии по разработке программы А. А. Жданов и главный экономист страны, председатель Госплана СССР Н. А. Вознесенский²⁸.

Потребительская корзина также формировалась главным образом из предметов первой необходимости. В бюджете семей рабочих расходы на питание составляли в 1940 г. 57,4%, в 1947 г. — 62,8%, в 1948 — 52,5%²⁹. Это значит, что большинство рабочих семей до конца 1940-х гг. имели бюджет, равнозначный потребительскому минимуму, а в 1947 г. вследствие голода и кризиса снабжения он уже приблизился по своей структуре к бюджету прожиточного минимума³⁰. Несмотря на обещания и некоторые практические шаги в направлении улучшения условий жизни народа, сколько-нибудь заметных перемен

до середины 1950-х гг. не произошло. Среднемесячные денежные доходы населения выросли с 1947 по 1952 г. только на 3,3%, а налоги — в два раза. Расходы на социальное обеспечение увеличились за тот же период на 14,4% (расходы на оборону — на 47,8%). Сократилась доля расходов на социальное обеспечение в государственном бюджете: в 1946 г. — 5,9% расходной части бюджета, в 1952 г. — 4,5%³¹. В силу незначительных размеров большинства пенсий и пособий они не играли существенной роли в бюджете семей: например, в структуре денежного дохода семей рабочих промышленности на долю пенсий и стипендий приходилось в 1948 г. 5,5%, а основным источником дохода служила заработная плата — 85,9%³².

За первое послевоенное десятилетие не изменились структура и уровень потребления населения по сравнению с довоенным периодом. В рационе питания городских и сельских жителей основными продуктами были хлеб и картофель, причем потребление картофеля даже возросло. Это было не только следствием войны, но и результатом довоенной политики сплошной коллективизации деревни. В 1950 г. производство ряда продуктов питания — зерна, мяса, молока, овощей — в расчете на душу населения было ниже уровня 1928 г., т.е. накануне коллективизации³³. Потребительская корзина большинства граждан страны была скудной³⁴. Уровень и качество потребления в СССР серьезно отставали от потребительских стандартов ведущих западных стран³⁵.

Исследование структуры потребления проводилось в 1955 г. по поручению Совета министров СССР — факт сам по себе примечательный, как и включение в его программу сравнительных показателей с западными странами, заведомо «неудобных», но отражающих реальность. В 1953–1955 гг. ЦСУ СССР подготовило подробные справки о бюджетах рабочих, служащих и колхозников, о заработной плате, балансе доходов и расходов, о состоянии и уровне благоустройства городского жилищного фонда. В конце 1950-х гг. в статистических расчетах появляется новое направление — «Основные показатели повышения уровня жизни народа». Эти документы не публиковались, но они свидетельствовали, что власть всерьез озаботилась поиском путей решения социальных проблем.

В августе 1953 г. глава правительства Г.М. Маленков в качестве первоочередной задачи руководства страны обозначил «крутой подъем производства предметов народного потребления». Премьер предлагал изменить соотношение темпов роста промышленного производства группы «А» и группы «Б»³⁶. Речь шла о поиске оптимального баланса между потребностями базовых отраслей промышленности и сферой потребления, а в конечном счете о социальной переориентации экономики. Н.С. Хрущев, хотя и не поддержал идею Маленкова, подрывающую традиционный приоритет тяжелой индустрии, выступил с аналогичной программой подъема уровня жизни населения, отчасти конкретизировав ее. Хрущев первым публично заговорил об изменении структуры потребления продуктов питания в соответствии с научно обоснованными нормами³⁷.

«Новый курс» заявил о себя и в ряде символических шагов. 24 декабря 1953 г. открылся ГУМ — самый большой в СССР универсальный магазин. Сообщение об этом было опубликовано в газетах одновременно с другим — о суде над Л. П. Берией. Являлось ли совпадение по времени этих новостей намеренным или случайным, но оно не прошло незамеченным внутри страны и на Западе. Журнал *Der Spiegel* называл позднее перемены, происходившие в СССР после смерти Сталина «дорогой к ГУМу», имея в виду возвращение к «нормальной» жизни и начало реализации потребительских ожиданий населения. По мнению журнала, ГУМ стал символом — «“золотым тельцом” жаждущих потребительских благ советских людей»³⁸.

На решение задачи обеспечения людей товарами первой необходимости, прежде всего продуктами питания, отводилось 2–3 года³⁹. В первоначальных набросках планов говорилось даже об «изобилии», но верх взял если не реализм, то осторожность. Правда, это не помешало рассуждениям об изобилии стать одним из расхожих клише в средствах массовой информации.

Изменение реальной ситуации на потребительском рынке, как и покупательной способности населения, происходило гораздо медленнее, чем самые осторожные прогнозы. Об этом свидетельствовали письма «во власть». По сравнению с первыми послевоенными годами изменилась только география жалоб, она стала более дифференцированной: сигналы о неблагополучии в середине 1950-х гг. поступали в основном из промышленных регионов, индустриальных городов, периферийных центров, реже — из Москвы и Ленинграда. Для жителей промышленных центров проблема снабжения потребительскими товарами продолжала оставаться острой: «В настоящее время рабочие ходят голодными; чтобы купить килограмм хлеба, нужно становиться в очередь в 5 часов утра и то, если останешься живой, то покушаешь... Уже три месяца кряду мы не видели сахара, не говоря уже о мясе и колбасах» (Магнитогорск)⁴⁰; «В нашей столице Башкирии городе Уфе нет вот уже несколько лет в магазинах сливочного масла, месяцами не бывает сахара, круп, мяса, нет рыбы, колбасных изделий. Люди целыми днями рыщут в буквальном смысле слова по магазинам в надежде купить что-либо» (Башкирия)⁴¹; «Нет ничего, даже суррогата маргарина, круп, вермишели» (Казань)⁴².

Особенно раздражали людей пропагандистские заявления о «постоянном росте материального благосостояния трудящихся»: «Что, в конце концов, знает о жизни народа наше правительство? Каждый день по радио, на страницах газет “Правда” и других <...> слышишь слова об “изобилии” и в то же время видишь своими глазами это “изобилие” в магазинах, испытываешь эту “прекрасную” жизнь на собственной шкуре» (Башкирия)⁴³; «По радио передаете о богатстве, а на факте ничего нет. Магазины сплошь и рядом пусты» (Липецкая область)⁴⁴.

Объяснять подобные претензии ссылкой на «временные трудности», «угрозу войны» или «враждебное окружение» было уже малоэффективно. Ресурс ожидания конца «временных трудностей» был исчерпан. В первой половине

1960-х гг. во взрослую жизнь вступит новое поколение, для которого военная травма носила опосредованный характер, не была частью личного опыта, мотивирующего психологическую готовность к «жертвам». Постепенно размывался образ «враждебного окружения», притуплялось ощущение военной угрозы: новые ориентиры советской внешней политики предполагали поиск диалога с западными странами, а не продолжение конфронтации. Советский Союз становился более открытым, в том числе и для визитов зарубежных гостей. Фактом своего присутствия «живые» иностранцы несли новую информацию о «другом мире», возможность сравнения, в том числе качества жизни, потребительских практик и стандартов — «у них» и «у нас».

«Встречали мы людей из того мира, где, как вы говорите и пишете, нищета, разруха, голод, эпидемии и т. д. и т. п., — делился впечатлениями житель города Николаева. — Мы встретились с туристами из США. Они сами — русские и украинцы, эмигрировали от нас. Они рабочие, один — пенсионер, работал на шахте. И этот пенсионер приехал к нам посмотреть, как мы живем. Какой у нас пенсионер-рабочий сумеет съездить за границу, на какие деньги?»⁴⁵

Лозунг «догнать и перегнать» занимал одно из ведущих мест в арсенале советской пропаганды. Его мобилизационная эффективность обеспечивалась за счет двух главных факторов — задача была довольно абстрактной (догнать и перегнать передовые страны в экономическом отношении), а информация о субъекте соперничества — весьма ограниченной, основанной как правило на картинках пропаганды и зарубежных фильмах, избирательно попадавших на советский экран. Высказывая недовольство уровнем жизни, советские граждане проводили параллели с Америкой или с «западными странами», но, сделанное в эмоциональном запале, сравнение это носило абстрактный характер. «Хвалил жизнь в США», — лаконично сообщали сводки о настроениях⁴⁶. Н. С. Хрущев, сам того не осознавая, пошел на риск, впервые конкретизировал задачу «догнать и перегнать»: он объявил в 1957 г. о намерении «объявить, что вот “мы идем на вы” и побьем по производству на душу населения Соединенные Штаты Америки по мясу, молоку и маслу»⁴⁷.

В 1959 г. состоялся обмен выставками — советской в Нью-Йорке и американской в Москве. Они прошли с разницей в две недели по времени и с разницей в десятилетия (если не больше) по своей концепции. Советский Союз привез на выставку спутник, атомный ледокол, новый самолет, автомобили, станки. Был выставлен макет двухкомнатной квартиры, макет кухни, шла демонстрация мод, но все экспонаты повседневной жизни отражали главным образом проекты будущего. А американцы показали, как живут граждане США здесь и сейчас — какую получают зарплату, что на нее можно купить, во что одеваются и т. д.

«Меня необыкновенно поразил высокий уровень зарплат американских рабочих и дешевизна продовольственных товаров. Запомнилось: одной недели работы среднего американского рабочего достаточно для того, чтобы прокор-

мать семью из четырех человек. В сравнении с нашей скудной жизнью американский уровень благосостояния представлялся каким-то сказочным изобилием», — вспоминал позднее В. Садовников⁴⁸.

Благодаря политике открытости, пусть и ограниченной, западные потребительские стандарты стали постепенно внедряться в практики советских людей. И если в конце 1940-х гг. «подражание Западу» рассматривалось как чуть ли не измена Родине, в 1950-е и тем более в 1960-е гг. оно осуждалось, но без серьезных последствий для носителей «западного стиля», оставаясь преимущественно на уровне фельетонной критики. Официально, хотя и без указания на источник заимствования, зарубежные технологии проникали в сферу быта, торговли, общественного питания, внося новые элементы в пространство повседневной жизни. Появляются магазины самообслуживания, новая упаковка товаров, торговые автоматы, полуфабрикаты. Ориентиры советских людей в сфере еды стали приближаться к западным стандартам питания⁴⁹. Парадоксально, что эти западные веяния вполне вписывались в главный идеологический конструкт — программу построения коммунизма. Торговля «на доверии» (самообслуживание), сокращение времени на приобретение товаров и услуг, расширение ассортимента отвечали сразу нескольким «коммунистическим» принципам: усиление роли и зоны ответственности «общественности», освобождение человека от груза бытовых проблем, движение к изобилию товаров народного потребления.

Программа построения коммунизма (1961 г.), как и предшествующие аналогичные попытки политического прожектерства, работала на образ будущего. Проект программы 1947 г. никто, кроме узкого круга посвященных, не видел. Программу 1961 г. видели, но не читали — за исключением тех, кто это делал по обязанности или из любопытства. Но и в проекте, и в принятой программе был сюжет, который вызывал большой общественный резонанс и живой интерес. Это был вопрос о распределении «по потребностям». Квинтэссенцию концепции коммунистического потребления, довольно размытую на страницах многостраничного документа, П. Вайль и А. Генис выразили кратко и четко — «благополучие без стяжательства»⁵⁰. Границы того и другого обозначены не были, что создавало простор для народного и художественного творчества. «Потребительский коммунизм» в трактовке карикатуристов «Крокодила» предстал в образе людей с огромной ложкой, жаждущих получить «по потребностям»⁵¹.

Дискурс распределения по-коммунистически в период «оттепели» развивался на фоне реальных сдвигов в структуре и качестве потребления населения, особенно заметных со второй половины 1950-х гг. Процесс этот развивался нелинейно и не всегда в соответствии с намеченными планами — из-за дефицита ресурсов и принятия непродуманных решений. Положительную динамику в питании населения отразили исследования бюджетов семей рабочих, служащих и колхозников за 1953–1962 гг. Как отметил В. Н. Томилин, произошли

существенные изменения в структуре питания: в семьях рабочих и служащих потребление молока и молочных продуктов увеличилось на 39–54%, мяса и мясных продуктов — на 43–54%, рыбы и рыбопродуктов — на 36–39%, яиц — на 46–48%, сахара — на 19–22%. В структуре их питания сократилась доля мучных и хлебобулочных изделий на 13–18%. Улучшилось питание в семьях колхозников: они стали больше потреблять молока и молочных продуктов — на 39%, мяса — в 1,8 раза, рыбы и яиц — в более чем в 2 раза, сахара — в 3,2 раза⁵².

Статистические данные подтверждаются и социологическими исследованиями, фиксирующими субъективное восприятие современниками своего положения и особенности потребительского поведения. Первый такой опрос провел в 1960 г. Институт общественного мнения «Комсомольской правды» (ИОМ «КП») на тему «Динамика и проблемы уровня жизни населения»⁵³. Подавляющее большинство респондентов — 73,2% — отметили, что уровень их жизни повысился, для 19,8% он остался без изменений и только 7% признали, что стали жить хуже. Повышение уровня жизни люди связывали с ростом заработной платы, улучшением снабжения продуктами и промышленными товарами, сокращением рабочего дня, улучшением жилищных условий и др. Жители села отметили снижение налогов, а пенсионеры — увеличение пенсии⁵⁴. Вопрос о реальных масштабах этих сдвигов в ходе исследования не ставился, но косвенная информация об этом содержалась в ответах респондентов. В этих ответах отразилась непритязательность запросов людей, пределом мечтаний многих было простое желание — «лучше питаться, одеваться, обуваться», «получить новое жилье». Непритязательность требований — один из показателей относительно низкого уровня жизни, как и позитивная реакция даже на самые незначительные перемены к лучшему⁵⁵.

В 1971 г. под руководством Б. А. Грушина было проведено другое исследование имущественного положения советских граждан — более «предметное», поскольку посвящено оно было изучению обеспеченности населения предметами длительного пользования и планов их приобретения⁵⁶. В опросе участвовали 2 тыс. респондентов, представляющих широкую географию и разные социальные группы населения, которым предлагалась выборка из 18 «предметов длительного пользования» (недвижимость, мебель, холодильник, телевизор, магнитофон, автомобиль и др.). Результаты исследования показали, что только 2% опрошенных имели в своем домохозяйстве 12 предметов и более, 14% (т. е. каждый седьмой) владели всего 1–2 предметами длительного пользования и недвижимостью. Комментируя итоги опроса, Б. А. Грушин пришел к выводу, что имущественное положение и покупательское поведение респондентов на пороге 1970-х гг. свидетельствовали о «бедности как господствующей характеристике уровня жизни» советских людей, формирующей особый менталитет и заниженную планку запросов⁵⁷. Опрос показал и положительную динамику в покупательских настроениях и мотивах покупок. 83% респондентов приобретали вещи, потому что «хотели улучшить свой быт», 16% признались, что

«старались быть на уровне времени, не отставать от других» и еще 16% «хотели обновить модель, марку вещи» (всего было предложено шесть вариантов мотивации, респонденты могли отметить несколько)⁵⁸. Подобные мотивации свидетельствовали о новом качестве потребительского поведения, выходящего за рамки «стратегии выживания».

Этот вывод подтверждается другими социологическими опросами: в Таганроге (1968–1969 гг.) и в Челябинске (1969 г.). Проект «Таганрог», продолжавшийся в течение десятилетий через некоторые интервалы, а поэтому фиксирующий изменения в уровне жизни и потребительском поведении жителей города, уже в рамках первых двух опросов продемонстрировал сдвиги в обеспечении населения наиболее востребованными предметами быта. Так, легковой автомобиль в 1968 г. имели лишь 2% домохозяйств, в 1978 г. — 9%, холодильник — соответственно 39 и 93%, телевизор — 55 и 78%, стиральную машину — 44 и 98%⁵⁹. Одновременно с приобретением вещей менялось отношение к ним. Опрос в Челябинске показал: из 1740 респондентов только 17 заявили, что относятся к вещам пренебрежительно — в духе актуальной критики «потребительства» и «мещанства», подавляющее же большинство признали вещи важным компонентом жизни человека. Появляются «вещи мечты», которые хотелось бы приобрести. Верхнюю строчку в списке желанных предметов занимали автомобиль, холодильник и мебель. Примечательно, что в отдельных группах интеллигенции — среди инженеров и учителей — шестую и седьмую позицию из десяти занимали книги⁶⁰. Ориентация на покупку книг — новый тренд потребительского спроса, когда они приобретаются не только как предмет чтения, но и символ престижа. Подавляющее большинство граждан (в том числе 82,8% учителей, 89,4% рабочих низкой квалификации) при приобретении вещей руководствовались стремлением «быть не хуже других»⁶¹. Анализируя данные челябинского опроса и другие материалы, О. Гурова заключает: «Советский человек 1960-х гг. не аскет, ему не чужды земные блага, он хочет быть хорошо одетым, иметь обставленную квартиру. Немалую часть своего времени он отдает сфере потребления, приобретения вещей — вещи играют все более важную роль в жизни советских людей»⁶².

Перемены в потребительском поведении людей в течение 1960-х гг. происходят и на фоне реализации социальных программ государства. Денежные доходы населения выросли с 79,5 млрд руб. в 1958 г. до 127,5 млрд в 1965 г. — более чем на 60%. В планах развития народного хозяйства на 1968–1970 гг. темпы роста производства предметов потребления впервые опережали темпы роста отраслей группы «А». В государственном бюджете появляется специальная «дотационная» статья расходов, связанная с покрытием убытков от реализации социально значимых товаров⁶³.

Торговые организации начали заниматься изучением потребительского спроса: проводят покупательские конференции, анкетирование покупателей, выставки-продажи. В 1965 г. по постановлению правительства создается

Всесоюзный научный институт по изучению спроса населения на товары народного потребления и конъюнктуры торговли (ВНИИКС)⁶⁴. Уже первые шаги по изучению спроса покупателей, прежде всего покупательниц, показали: для большинства горожанок красота и удобство одежды брали верх над практичностью, среди мотивов покупок преобладали «необходимость пополнить гардероб» и «изменение моды», причем мотив следовать за модой преобладал в возрастной группе от 19 до 40 лет⁶⁵.

«У людей появился вкус к жизни», — подводит итог переменам в сфере потребления 1960-х гг. Г. М. Иванова⁶⁶. Однако этот вкус — настрой на потребление — далеко не всегда можно было удовлетворить. Разрыв в доходах, а значит, покупательской способности разных групп населения, хронический дефицит, ограниченный ассортимент и плохое качество предлагаемых товаров, различия в уровне жизни населения и ресурсном обеспечении отдельных регионов, городов, сельской местности, сохранение системы привилегированного снабжения — эти и другие проблемы накладывали свой отпечаток на потребительские ожидания и потребительские практики людей. Эти же особенности обусловили появление специфического, советского типа «общества потребления» — «общества потребления в условиях дефицита».

¹ Советская жизнь. 1945–1953 / Сост. Е. Ю. Зубкова, Л. П. Кошелева, Г. А. Кузнецова, А. И. Минюк, Л. А. Роговая. М., 2003. (Серия «Документы советской истории»). С. 76.

² Замечания тов. Л. И. Брежнева по докладу о столетии со дня рождения В. И. Ленина. 12 декабря 1969 г. // Генеральный секретарь Л. И. Брежнев. 1964–1982. М., 2006 (Вестник Архива Президента. Специальное издание). С. 87.

³ Запись совещания по вопросу подготовки отчетного доклада ЦК КПСС XXIV съезду КПСС. 5 февраля 1971 г. // Генеральный секретарь Л. И. Брежнев. С. 99.

⁴ Бодрийяр Ж. Общество потребления. М.: АСЕ, 2022. С. 5.

⁵ Берелович А. Семидесятые годы XX века: реплика в дискуссии // Мониторинг общественного мнения. 2003. № 4 (66). С. 64.

⁶ Chernyshova N. Soviet consumer culture in the Brezhnev era. London: Routledge, 2013.

⁷ Иванова А. Магазины «Березка»: парадоксы потребления в позднем СССР. М., 2018.

⁸ Ильин В. И. Общество потребления: теоретическая модель и российская реальность // Мир России. Социология. Этнология. 2005. № 2. С. 5, 17.

⁹ Гурова О. Отношение к вещам в советском обществе. Был ли Homo consumens в СССР? // Люди и вещи в советской и постсоветской культуре: Сб. статей. Новосибирск, 2005. С. 34.

¹⁰ Иванова Г. М. На пороге «государства благосостояния». Социальная политика в СССР (середина 1950-х — начало 1970-х годов). М., 2011.

¹¹ Esping-Andersen G. The Three Worlds of Welfare Capitalism. Cambridge, 1990.

¹² Götting U. Transformation der Wohlfahrtsstaaten in Mittel- und Osteuropa. Eine Zwischenbilanz. Wiesbaden, 1998. S. 57–88.

¹³ Ibid. S. 58.

¹⁴ Советская жизнь. С. 69–70

- ¹⁵ Никонова О. Ю. Борьба за «минимум калорий»: общественное питание и продовольственное снабжение в послевоенном Челябинске (1946–50 гг.) // Управление в современных системах. 2014. № 4. С. 28–36.
- ¹⁶ Дмитриев А. И. Дневник 1946–1955 гг. URL: <https://prozhito.org/person/418> (дата обращения 18.08.2022).
- ¹⁷ Лейбович О. Л. «Недурно бы получить сколько-нибудь премии...». Советский рабочий наедине с дневником (1941–1955) // Шаги/Steps. 2017. Т. 3. № 1. С. 128.
- ¹⁸ Сталин И. В. Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа города Москвы 9 февраля 1946 года // Правда. 1946. 10 февраля.
- ¹⁹ Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг. М., 1946. С. 8.
- ²⁰ Там же. С. 56.
- ²¹ Снижение цен в 1946 г. касалось только системы так называемой коммерческой торговли (Для сравнения цен в системе нормированной и коммерческой торговли см.: Советская жизнь. С. 512–514).
- ²² Советская жизнь. С. 503–534.
- ²³ Там же. С. 515–526.
- ²⁴ Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым: из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 264.
- ²⁵ Клинова М. А. Государственное регулирование экономических стратегий городского населения РСФСР в первое послевоенное десятилетие. Екатеринбург, 2019. С. 186.
- ²⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 476. Л. 190.
- ²⁷ Сталинское экономическое наследие: планы и дискуссии. 1947–1953 гг.: Документы и материалы / Сост.: В. В. Журавлев, Л. Н. Лазарева. М., 2017. С. 145.
- ²⁸ Сталинское экономическое наследие... С. 144.
- ²⁹ Советская жизнь. С. 93.
- ³⁰ Минимальный потребительский бюджет в расчете на душу населения отличается от бюджета прожиточного минимума по своей структуре: согласно практике исчисления структуры доходов, принятой в СССР, в бюджете прожиточного минимума доля расходов на питание составляла 68 %, в минимальном потребительском бюджете — 52 %, поэтому потребительский минимум выше прожиточного (см.: Римашевская Н. М. Бедность и маргинализация населения // СОЦИС. 2004. № 4. С. 33–34).
- ³¹ Советская жизнь. С. 499–501.
- ³² Там же. С. 92.
- ³³ Там же. С. 119–120.
- ³⁴ Научные нормы питания были разработаны Институтом питания Академии наук СССР. Согласно этим расчетам, в 1954 г. потребление белков в ежедневном рационе в среднем составляла 74 % от физиологической нормы, жиров — 58 %, а доля углеводов превышала норму на 16 % (Советская жизнь. С. 126).
- ³⁵ Советская жизнь. С. 122–125.
- ³⁶ Маленков Г. М. Речь на пятой сессии Верховного Совета СССР 8 августа 1953 года. М., 1953. С. 8–9.
- ³⁷ Хрущев Н. С. О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства в СССР. Доклад на Пленуме ЦК КПСС 3 сентября 1953 г. М., 1953. С. 10.
- ³⁸ Die Straße zu “Gum” // Der Spiegel. 1957. No. 29. S. 28–35.
- ³⁹ Хрущев Н. С. О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства в СССР. С. 11.
- ⁴⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 32. Д. 26. Л. 35.
- ⁴¹ Там же. Л. 44.
- ⁴² Там же. Оп. 33. Д. 36. Л. 8.
- ⁴³ Там же. Л. 44–45.
- ⁴⁴ Там же. Л. 9.
- ⁴⁵ Там же. Д. 235. Л. 4.

- ⁴⁶ Круглов В. Н. Кризис продовольственного снабжения в СССР и настроения населения, 1951–1955 гг. // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945–1953 гг. М., 2015. С. 119.
- ⁴⁷ Из речи Н. С. Хрущева на совещании работников сельского хозяйства областей и автономных республик Северо-Запада РСФСР в гор. Ленинграде. 22 мая 1957 г. // Никита Сергеевич Хрущев: Два цвета времени: Документы из личного фонда Н. С. Хрущева: В 2 т. Т. 2 / Гл. ред. Н. Г. Томилина. М., 2009. С. 100.
- ⁴⁸ Цит. по: Фоминых А. Е. Книги отзывов Американской национальной выставки в Москве 1959 года // Запад-Восток. Научно-практический ежегодник. 2010. № 3. С. 111–112.
- ⁴⁹ Лебина Н. Б. Повседневность эпохи космоса и кукурузы: Деструкция большого стиля: Ленинград, 1950–1960-е годы. СПб., 2015. С. 81–108.
- ⁵⁰ Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. Изд. 2-е, испр. М., 1998. С. 14.
- ⁵¹ Фокин А. А. «Коммунизм не за горами». Образы будущего у власти и населения СССР на рубеже 1950–1960-х годов. М., 2017. С. 117.
- ⁵² Томили В. Н. Структура питания основных категорий городского и сельского населения СССР в период политического лидерства Н. С. Хрущева // Гуманитарные исследования Центральной России. 2016. № 1. С. 52–53.
- ⁵³ Грушин Б. А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина: в 4 кн. Жизнь 1-я. Эпоха Хрущева. М., 2001. С. 112–158.
- ⁵⁴ Грушин Б. А. Четыре жизни России... Жизнь 1-я. С. 125–126.
- ⁵⁵ Там же. С. 154.
- ⁵⁶ Грушин Б. А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина: в 4 кн. Жизнь 2-я. Эпоха Брежнева (часть 1-я). М., 2003. С. 315–358.
- ⁵⁷ Там же. С. 350–355.
- ⁵⁸ Там же. С. 339.
- ⁵⁹ Гришанов В. Качество жизни населения среднего российского города: вчера и сегодня (полвека «таганрогских исследований») // Бюллетень науки и практики. 2017. № 5 (18). С. 193.
- ⁶⁰ Жилина Л. Н., Фролова Н. Т. Проблемы потребления и воспитание личности. М.: Мысль, 1969. С. 54.
- ⁶¹ Там же. С. 70.
- ⁶² Гурова О. Отношение к вещам в советском обществе. С. 28.
- ⁶³ Иванова Г. М. На пороге «государства благосостояния». С. 122, 130, 164.
- ⁶⁴ Твердюкова Е. Д. Изучение покупательского спроса в СССР (конец 1960-х гг.) // Социологические исследования. 2019. № 8. С. 124–125.
- ⁶⁵ Там же. С. 126–127.
- ⁶⁶ Иванова Г. М. На пороге «государства благосостояния». С. 170.

References

- BAUDRILLARD J. *Obshchestvo potrebleniya* [La société de consommation: ses mythes et ses structures. Transl. from French]. Moscow, 2022.
- BERELOVICH A. *Semidesyatye gody XX veka: replika v diskussii* [Seventies of the 20th century: a remark in the discussion. In Russ.] // Monitoring obshchestvennogo mneniya. 2003. No. 4 (66). P. 59–65.
- CHERNYSHOVA N. *Soviet consumer culture in the Brezhnev era*. London: Routledge, 2013.
- CHUEV F. *Sto sorok besed s Molotovym: iz dnevnika F. Chueva* [One hundred and forty conversations with Molotov: from the diary of F. Chuev. In Russ.]. Moscow, 1991.
- Die Straße zu "Gum"* // Der Spiegel. 1957. No. 29. S. 28–35.

DMITRIEV A. I. *Dnevnik 1946–1955 gg.* [Diary 1946–1955. In Russ.] URL: <https://prozhito.org/person/418> (date of access 18.08.2022).

ESPING-ANDERSEN G. *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. Cambridge: Polity Press, 1990.

FOKIN A. A. “*Kommunizm ne za gorami*”. *Obrazy budushchego u vlasti i naseleniya SSSR na rubezhe 1950–1960-h godov* [“Communism is not far off”. Images of the future in the power and population of the USSR at the turn of the 1950–1960s. In Russ.] Moscow, 2017.

FOMINYH A. E. *Knigi otzyvov Amerikanskoj nacional'noj vystavki v Moskve 1959 goda* [Guestbooks of the American National Exhibition in Moscow 1959. In Russ.] // Zapad-Vostok. Nauchno-prakticheskij ezhegodnik. 2010. No. 3. P. 110–120.

General'nyj sekretar' L. I. Brezhnev [General Secretary Leonid Brezhnev. In Russ.]. 1964–1982. Moscow, 2006. (Vestnik Arhiva Prezidenta. Special'noe izdanie).

GÖTTING U. *Transformation der Wohlfahrtsstaaten in Mittel- und Osteuropa. Eine Zwischenbilanz*. Wiesbaden, 1998.

GRISHANOV V. *Kachestvo zhizni naseleniya srednego rossijskogo goroda: vchera i segodnya (polveka “taganrogskih issledovanij”)* [Quality of life of the medium Russian city: yesterday and today (half a century Taganrog studies). In Russ.] // Byulleten' nauki i praktiki. 2017. No. 5 (18). P. 187–196.

GRUSHIN B. A. *Chetyre zhizni Rossii v zerkale oprosov obshchestvennogo mneniya. Ocherki massovogo soznaniya rossiyan vremen Khrushcheva, Brezhneva, Gorbacheva i El'cina: v 4 kn. Zhizn' 1-ya. Epoha Khrushcheva* [Four lives of Russia in the mirror of public opinion polls. Essays on the mass consciousness of Russians from the times of Khrushchev, Brezhnev, Gorbachev and Yeltsin: in 4 books. Life 1st. Khrushchev era. In Russ.]. Moscow, 2001.

GRUSHIN B. A. *Chetyre zhizni Rossii v zerkale oprosov obshchestvennogo mneniya. Ocherki massovogo soznaniya rossiyan vremen Khrushcheva, Brezhneva, Gorbacheva i El'cina: v 4 kn. Zhizn' 2-ya. Epoha Brezhneva (chast' 1-ya)* [Four lives of Russia in the mirror of public opinion polls. Essays on the mass consciousness of Russians from the times of Khrushchev, Brezhnev, Gorbachev and Yeltsin: in 4 books. Life 2nd. The era of Brezhnev (part 1). In Russ.]. Moscow, 2003.

GUROVA O. *Otnoshenie k veshcham v sovetskom obshchestve. Byl li Homo consumens v SSSR?* [Attitude to things in Soviet society. Was there *Homo consumens* in the USSR? In Russ.] // Lyudi i veshchi v sovetskoj i postsovetskoj kul'ture: Sb. statej. Novosibirsk, 2005. P. 22–34.

IL'IN V. I. *Obshchestvo potrebleniya: teoreticheskaya model' i rossijskaya real'nost'* [Consumer Society: Theoretical Model and Russian Reality. In Russ.] // Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya. 2005. No. 2. P. 3–40.

IVANOVA A. *Magaziny “Berezka”: paradoksy potrebleniya v pozdnem SSSR* [“Berezka” Stores: Paradoxes of Consumption in the Late USSR. In Russ.] Moscow, 2018.

IVANOVA G. M. *Na poroge “gosudarstva blagosostoyaniya”. Social'naya politika v SSSR (seredina 1950-h – nachalo 1970-h godov)* [On the threshold of the “welfare state”. Social policy in the USSR (mid-1950s – early 1970s). In Russ.]. Moscow, 2011.

KHRUSHCHEV N. S. *O merah dal'nejshego razvitiya sel'skogo hozyajstva v SSSR. Doklad na Plenumе CK KPSS 3 sentyabrya 1953 g.* [On measures for the further development of agriculture in the USSR. Report at the Plenum of the Central Committee of the CPSU on September 3, 1953. In Russ.] Moscow, 1953.

KLINOVA M. A. *Gosudarstvennoe regulirovanie ekonomicheskikh strategij gorodskogo naseleniya RSFSR v pervoe poslevoennoe desyatiletie* [State regulation of the economic strategies of the urban population of the RSFSR in the first post-war decade. In Russ.]. Ekaterinburg, 2019.

KRUGLOV V. N. *Krizis prodovol'stvennogo snabzheniya v SSSR i nastroyeniya naseleniya, 1951–1955 gg.* [The crisis of food supply in the USSR and the mood of the population, 1951–1955. In Russ.] // Sovetskoe gosudarstvo i obshchestvo v period pozdnego stalinizma. 1945–1953 gg. Moscow, 2015. P. 117–125.

LEBINA N. B. *Povsednevnost' epohi kosmosa i kukuruzy: Destrukciya bol'shogo stilya: Leningrad, 1950–1960-e gody.* [Everyday life of the epoch of space and corn: Destruction of the big style: Leningrad, 1950–1960s. In Russ.]. St. Petersburg, 2015.

LEIBOVICH O. L. “*Nedurno by poluchit' skol'ko-nibud' premii...*” *Sovetskij rabochij naedine s dnevnikom (1941–1955)* [“It would be nice to get some kind of bonus...” The soviet worker alone with his diary (1941–1955). In Russ.] // Shagi / Steps. 2017. No. 3 (1). P. 114–135.

MALENKOV G. M. *Rech' na pyatoy sessii Verhovnogo Soveta SSSR 8 avgusta 1953 goda* [Speech at the fifth session of the Supreme Soviet of the USSR on August 8, 1953. In Russ.] Moscow, 1953.

NIKONOVA O. YU. *Bor'ba za “Minimum kalorij”: obshchestvennoe pitanie i prodovol'stvennoe snabzhenie v poslevoennom Chelyabinske (1946–50 gg.)* [The fight for the “minimum calories”: catering and food supply in post-war Chelyabinsk (1946–50). In Russ.] // Upravlenie v sovremennykh sistemah. 2014. No. 4. P. 28–36.

RIMASHEVSKAYA N. M. *Bednost' i marginalizaciya naseleniya* [Poverty and marginalization of the population. In Russ.] // SOCIS. 2004. No. 4. P. 33–34.

Sovetskaya zhizn' [Soviet life. In Russ.] 1945–1953 / Ed. E. Yu. Zubkova, L. P. Kosheleva, G. A. Kuznecova, A. I. Minyuk, L. A. Rogovaya. Moscow, 2003. (Dokumenty sovetskoj istorii).

STALIN I. V. *Rech' na predvybornom sobranii izbiratelej Stalinskogo izbiratel'nogo okruga goroda Moskvy 9 fevralya 1946 goda* [Speech at the pre-election meeting of voters of the Stalinist electoral district of the city of Moscow on February 9, 1946. In Russ.] // Pravda. 1946. 10 fevralya.

TOMILIN V. N. *Struktura pitaniya osnovnykh kategorij gorodskogo i sel'skogo naseleniya SSSR v period politicheskogo liderstva N. S. Khrushcheva* [The structure of nutrition of the main categories of the urban and rural population of the USSR during the political leadership of the N. S. Khrushchev. In Russ.] // Gumanitarnye issledovaniya central'noj Rossii. 2016. No. 1. P. 43–53.

TVERDYUKOVA E. D. *Izuchenie pokupatel'skogo sprosa v SSSR (konec 1960-h gg.)* [Study of consumer demand in the USSR (late 1960s). In Russ.] // Sociologicheskie issledovaniya. 2019. No. 8. P. 124–132.

VAJL P., GENIS A. *60-e. Mir sovetskogo cheloveka* [The 60's. The world of the Soviet man. In Russ.]. Moscow, 1998.

Zakon o pyatiletnem plane vosstanovleniya i razvitiya narodnogo hozyajstva SSSR na 1946–1950 gg. [Law on the five-year plan for the restoration and development of the national economy of the USSR for 1946–1950. In Russ.]. Moscow, 1946.

ZHILINA L. N., FROLOVA N. T. *Problemy potrebleniya i vospitanie lichnosti* [Problems of consumption and education of the individual. In Russ.] Moscow, 1969.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Е. Ю. Зубкова. От «общества выживания» к «обществу потребления»: трансформация условий и практик потребления в СССР (1940–1960-е годы) // Петербургский исторический журнал. 2022. № 4. С. 45–61

Аннотация: В статье рассматриваются основные тенденции трансформации условий и практик потребления в СССР как одного из ключевых показателей изменения уровня и качества жизни населения — от окончания Второй мировой войны до конца 1960-х гг. Вектор этих перемен условно можно обозначить как движение от «общества выживания» к «обществу потребления» и одновременно как ответ на отложенные ожидания 1945 г. Насколько этот процесс находился в русле мировых трендов и в чем заключалась советская специфика? Применимо ли вообще к советским социальным реалиям понятие «общество потребления»? Существовало ли оно как явление, о котором писал его главный теоретик и критик Ж. Бодрийяр? В фокусе исследования находятся условия реализации потребительских ожиданий и практик населения (экономические, политические, идеологические, ментальные), стратегии и мотивы потребительского поведения, изменение потребительского спроса и его ресурсного обеспечения. На основе анализа научной литературы, статистических данных и результатов социологических исследований делается вывод о постепенном формировании в СССР специфического, «советского» варианта общества потребления — «общества потребления в условиях дефицита».

Ключевые слова: СССР, социальная политика, повседневность, потребление, уровень жизни, бедность, вещи, общественные настроения.

FOR CITATION

E. Yu. Zubkova. From a “survival society” to a “consumption society”: the transformation of conditions and practices of consumption in the USSR (1940s–1960s) // Petersburg Historical Journal, no. 4, 2022, pp. 45–61

Abstract: The article considers the main tendencies of transformation of conditions and practices of consumption in the USSR as one of the key indicators of change of the standard of living and quality of life of the population — from the end of the Second World War to the end of the 1960s. The vector of these changes

can be conventionally denoted as a movement from the “society of survival” to the “society of consumption” and at the same time as a response to the delayed expectations of people in 1945. To what extent was this process in line with world trends and what was the Soviet specificity? Does the concept of “consumer society” apply to Soviet social realities at all? Did it exist as a phenomenon written about by his chief theorist and critic J. Baudrillard? The research focuses on conditions of realization of consumer expectations and practices of the population (economic, political, ideological, mental), strategies and motives of consumer behavior, change of consumer demand and its resource provision. Based on the analysis of scientific literature, statistical data and the results of sociological research, the conclusion is made about the gradual formation in the USSR of a specific, “Soviet” variant of consumption society — “society of consumption under deficit”.

Key words: Soviet Union, social policy, everyday life, consumption, standard of living, poverty, things, public sentiment.

Автор: **Зубкова, Елена Юрьевна** — д. и. н., главный научный сотрудник, руководитель Центра социальной истории России, Институт российской истории РАН (г. Москва).

Author: **Zubkova, Elena Yurievna** — Dr. of Historical Sciences, Chief Researcher, Head of the Center for Social History of Russia, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow).

E-mail: elena.zubkova@mail.ru